

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ

Р. АЛИЕВ

Предлагаемые вниманию читателя материалы, посвященные оценке нынешнего состояния и перспектив политики Советского Союза в азиатско-тихоокеанском регионе, принадлежат перу двух авторов, чьи подходы к данной теме в ряде случаев существенно различаются между собой. Сопоставление их точек зрения, по мнению редакции, может способствовать выработке более объективного представления о характере и о путях решения проблем, стоящих перед нашей страной в этой зоне планеты.

Речь М. С. Горбачева во Владивостоке (июль 1986 г.) заслуженно рассматривается как начало нового этапа в отношениях Советского Союза со странами азиатско-тихоокеанского региона (АТР). В ней впервые дана подробная характеристика советской стороной ситуации в этой обширной зоне земного шара и сформулирована задача создания здесь региональной системы всеобъемлющей безопасности. Пакет инициатив, выдвинутых советским руководителем в красноярской речи (сентябрь 1988 г.), был призван практически способствовать превращению АТР в зону мира и сотрудничества.

Возникает вопрос: насколько далеко продвинулось дело безопасности и сотрудничества в регионе после провозглашения этих новых идей и инициатив? Если судить по большинству оценок советской печати, то народы Азии и Тихого океана с энтузиазмом воспринимают наши предложения, многие из которых уже активно претворяются в жизнь. Некоторые факты, похоже, подтверждают такой оптимизм. Достаточно вспомнить визит М. С. Горбачева в КНР, расцененный как историческое событие не только в системе советско-китайских отношений, но и в политической жизни всего мира, участившиеся контакты между СССР и Японией на уровне министров иностранных дел, активизацию связей СССР с некоторыми странами АСЕАН и развитие нашего экономического сотрудничества с Южной Кореей.

И все же здесь далеко не все столь однозначно, как это может показаться

АЛИЕВ Рафик Шаги-Акзамович, доктор исторических наук, и. о. директора Института экономических и международных проблем освоения океана (Владивосток).

с первого взгляда. Действительно, если внимательно проанализировать владивостокские и красноярские инициативы, то станет ясно, что весьма значительная их часть касается проблем военной безопасности, состояние которой в регионе в первую очередь зависит от позиций США и Японии. А эти позиции не свидетельствуют об их энтузиазме по отношению к советским предложениям. В нашей печати весьма нередки указания на нежелание правящих кругов США и некоторых их союзников позитивно реагировать на конструктивную политику СССР, его миролюбивые инициативы¹.

Поскольку такой подход во многом блокирует возможность претворения в жизнь пакета этих инициатив, постольку, на наш взгляд, главный вопрос как раз и заключается в том, чтобы понять, почему эти круги сопротивляются реализации столь полезных начинаний. Попробуем в этом разобраться.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН — РЕГИОН БЕЗ ГРАНИЦ ИЛИ ГРАНИЦЫ БЕЗ РЕГИОНА?

Вряд ли кто станет оспаривать простую истину: чтобы проводить региональную политику, необходимо как минимум знать границы соответствующих регионов. Хотя бы потому, что каждый из них обладает своей спецификой. Достаточно, к примеру, сравнить европейский регион с ближневосточным. Итак, попытаемся ответить на вопрос: где же находится азиатско-тихоокеанский регион?

Если обратиться к докладу (1985 г.) бывшего министра обороны США К. Уайнбергера, то окажется, что в АТР

¹ См. «Правда», 4.V.1989 г.

входят страны Восточной, Юго-Восточной Азии и Океании. Японские официальные источники добавляют сюда все американские государства, расположенные на побережье Тихого океана. Часть китайских ученых полагает, что АТР состоит из стран Восточной Азии, ЮВА, Океании, другая часть присоединяет сюда и Южную Азию. С их точки зрения, в регион входят тихоокеанские штаты США и Канады, но почти все они при этом исключают из АТР латиноамериканские страны². У советских ученых и политиков также нет единства по данному вопросу. Видимо, не случайно во владивостокской речи М. С. Горбачева в АТР входило 36 государств, а в красноярской — уже 50.

Кто-то может сказать: какая в конце концов разница, где границы этого региона? Но все дело в том, что размытость понятия АТР ставит под сомнение ряд фундаментальных выводов, в том числе о его значении в мировой экономике и политике. Как, например, понимать часто приводимые показатели доли АТР в мировой промышленной продукции, равные 50, 55 и даже 60%? При этом заметим, что в любом из трех приведенных показателей доля СССР не учитывается, хотя географически он относится и к Азии, и к Тихому океану, а аналогичный показатель для США учитывается полностью, несмотря на то, что эта держава большей своей частью и экономически, и географически тяготеет к Атлантическому океану. Как вообще можно оценивать экономический потенциал АТР, если не только США, но и многие другие, имеющие отношение к нему страны входят одновременно и в иные регионы? Среди них и латиноамериканские страны, и Канада, и Австралия, и Советский Союз. Даже с одной этой точки зрения все приведенные расчеты, свидетельствующие о «возрастающей роли» АТР в мире, лишены строгого научного содержания, а потому имеют под собой и достаточного основания выводы о том, что за АТР будущее, а за Европой — прошлое.

«Глобализация» региона с неопределенными границами таит в себе подвох и в военно-политическом плане. Все прекрасно понимают, что проблема военно-стратегической безопасности в АТР зависит в конечном счете от США, СССР и в меньшей степени еще от двух-трех держав региона. Фактически же это проблема не региональная, а глобальная, в силу чего инициативы Советского Союза, США или, скажем, Японии по стабилизации военной безопасности путем сокращения или хотя бы ненаращения стратегических сил более абстрактно воспринимаются большинством стран региона, нежели какие-то географически вплотную относящиеся к ним проблемы. Такие глобальные вопросы оказываются как бы за рамками их внеш-

ней политики хотя бы потому, что они не в состоянии сколько-нибудь эффективно влиять на их решение.

Путаница в рассматриваемом вопросе обнаруживается и на чисто региональном уровне. Очевидно, к примеру, что проблемы американско-мексиканских отношений вряд ли очень сильно волнуют Монголию или Вьетнам, а обстановка у берегов Персидского залива мало отражается на внешней политике Вануату, Науру или Тувалу. И несмотря на это, все они попадают, по крайней мере в некоторых наиболее расширительных толкованиях, в единый регион, именуемый азиатско-тихоокеанским.

Таким образом, вопрос о границах региона не теоретическая игра в определения. Это вопрос практической политики. Объем статьи не позволяет привести весь спектр суждений ученых и политиков на данную тему. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что ни океанский, ни материковый принципы, ни вообще географический подход не могут лежать в основе определения границ региона. На наш взгляд, наиболее плодотворным методом решения этой задачи может явиться принцип экономической интеграции и наличия общих международных проблем, рассматриваемых через призму системного подхода³. Использование же такой методологической основы не может не привести к выводу о том, что АТР как целостный регион не существует.

На сегодняшний день мы имеем экономическое интеграционное поле или по крайней мере тенденцию к его формированию в зоне Восточной и Юго-Восточной Азии, включающей Японию, азиатские новые индустриальные страны (НИС) и АСЕАН. Обозначим условно эту группу государств как международный экономический регион Восточной Азии (МЭР ВА). Как видим, ни одна социалистическая страна не входит в этот экономический регион, но если следовать одному из принципов системного подхода — принципу совместимости, то азиатские страны социализма политически совмещаются с государствами, входящими в МЭР ВА на основе наличия общих международных проблем (таких, к примеру, как проблемы безопасности в Индокитае и на Корейском полуострове). Их взаимодействие формирует более обширный, чем МЭР ВА, международно-политический регион в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Аналогичные образования вырисовываются в южной части Тихого океана, интегратором которого выступает Австралия. Иная экономическая и политическая специфика характерна для южно-

³ В качестве методического подспорья в анализе автор использовал монографию «Система, структура и процесс развития современных международных отношений». М., 1984; «Международный порядок: политико-правовые аспекты». М., 1986.

² См. «Дили чжиши», № 8, 1987, стр. 11.

азиатского региона с Индией в центре. Наконец, качественным отличием обладает Ближний Восток, перед которым стоят совершенно другие задачи как в политике, так и в экономике. Следовательно, подгонять все эти подрегионы под одну крышу — АТР — значит не видеть их качественную специфику. Безусловно, между ними существует взаимосвязь, но она основана на иных принципах — не интеграции и общих международно-политических проблем, а интернационализации, каковые принципы отражают иную сущность экономического и политического взаимодействия⁴.

Более подробное обоснование выводов об отсутствии целостности АТР потребовало бы отдельной статьи. Здесь же хотелось бы главным образом обратить внимание на то, что, во-первых, принцип здравого смысла не дает возможности точно определить границы региона, а, во-вторых, без такого определения политика, осуществляемая в безграничном пространстве, сама обречена на неопределенность, что часто подтверждается практикой.

ПРОБЛЕМА ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: СССР И США — ДВА ПОДХОДА

В выступлении М. С. Горбачева в Красноярске прозвучал вопрос: почему у Советского Союза в АТР, в отличие от других зон земного шара, не получается взаимопонимания с США? Затем был выдвинут очередной пакет инициатив по укреплению общеазиатской безопасности, для начала хотя бы в виде ненаращивания военных потенциалов основных держав региона. Ответ на эти, так же как и на владивостокские, инициативы теперь очевиден — США и Япония их не поддержали. В чем же дело?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует напомнить, что Москва и Вашингтон одинаково критически оценивают ситуацию в регионе, характеризуя ее как нестабильную. Указываются одни и те же «горячие точки», такие, как Корейский полуостров, Индокитай, Филиппины. Обе стороны столь же единодушно отмечают «вооруженность» и «милитаризованность» региона⁵.

Разногласия начинаются с ответа на вопрос об ответственности за такую неблагоприятную ситуацию. США возлагают ее на СССР и его союзников, СССР, соответственно, — на США и их союзни-

ков. В чем же истоки столь противоположных позиций?

Общезвестно, что ни одна речь руководителей двух держав на внешнеполитическую тему не обходится без призывов к международной безопасности. Однако вся проблема в том, что стороны по-разному понимают категорию международной безопасности. Для Советского Союза она означает такое состояние международных отношений, которое обеспечивает национальные интересы всех субъектов мировой политики на равноправной и справедливой основе. Американская же концепция международной безопасности фактически совпадает с задачами национальной безопасности США, требующими формирования такого состояния международных отношений, которые целиком и полностью отвечали бы в первую очередь их собственным интересам, а во вторую — интересам системы «свободного мира». Как видно, различие в трактовке безопасности на теоретическом уровне неизбежно ведет к различным подходам в политике. Проверим, как это конкретно проявляется в Восточной Азии.

Говоря о Восточной Азии, официальные лидеры США обычно указывают на три фактора, угрожающих международной безопасностью (то есть безопасностью или национальным интересам США)⁶. Первый из них — угроза экономическому порядку, связанная с проблемами отношений главным образом с Японией и азиатскими НИС (прежде всего с Южной Кореей и Тайванем). Второй фактор увязывается с угрозой «демократии и свободе», при расшифровке означающей проблему политической стабильности в Восточной Азии, в основном в Южной Корее и на Филиппинах. Наконец, третий фактор — угроза использования силы со стороны «экспансионистских государств», под которой подразумевается наращивание военного потенциала СССР и его союзников⁷.

Совершенно очевидно для всех, в том числе и для США, что первая «угроза» не может быть связана с действиями Советского Союза в Восточной Азии хотя бы уже по причине «отсутствия его экономического присутствия» в регионе. Вряд ли можно усматривать «угрозу» со стороны СССР и для региональной политической стабильности. Руководители США, надо думать, прекрасно отдадут себе отчет в том, что если и случаются какие-либо политические пертурбации в той или иной капиталистической стране Азии (например, в Южной Корее или

⁴ О различии между экономической интеграцией и интернационализацией подробнее см. «Кризис мирового капиталистического хозяйства в 80-е годы». М., 1986, стр. 157—163.

⁵ См. «Statements and Opinions on Pacific Cooperation». Tokyo, 1985. «Перестройка неотложна, она касается всех и во всем». М., 1986.

⁶ В США даже теоретики-международники не различают категории национальной безопасности и национальных интересов. Это замечание, правда, относится и к большинству советских международных экспертов.

⁷ См., например, речь Дж. Шульца в мае 1987 г. в Стэнфордском университете, опубликованную в «Правде» 6.VI.1987.

на Филиппинах), то Советский Союз не имеет к ним никакого отношения.

Остается проблема военной безопасности — та сфера, в которой Советский Союз в принципе в состоянии бросить вызов Соединенным Штатам. Если поверить в заявления некоторых военных, например, адмирала Ан. Лабрусса, или калькуляции соотношения сил в регионе авторитетного японского издания «Эйшн синкюриги», СССР и его союзники обладают превосходством над военным потенциалом США и их союзников⁸. В этом случае, с американской точки зрения, наращивание вооружений в Восточной Азии теоретически может иметь свое оправдание. Однако официальные оценки советской стороны дают иную картину регионального соотношения сил между США и Японией, с одной стороны, и СССР — с другой. Из интервью министра обороны СССР Д. Т. Язова газете «Правда» явствует, что по численности личного состава у первых превосходство более чем в 2 раза, по крупным надводным кораблям — почти в 4, по подводным кораблям с КРМБ — абсолютное, по количеству самолетов тактической авиации ВМС — более чем в 2 раза. В то же время у нас превосходство по танкам — в 2 раза, по боевым машинам пехоты, бронетранспортерам и артсистемам — примерно в 1,5 раза⁹. Наличие же почти 300 баз и других военных объектов США на территориях Японии, Южной Кореи и Филиппин, отлаженная инфраструктура размещения военных мощностей в Восточной Азии дают основание даже американскому журналу «Ньюсуик» утверждать: «Сегодня сильнейшая военная держава на Тихом океане — это США»¹⁰.

Одним из важных компонентов нового политического мышления является деидеологизация межгосударственных отношений. Как показала практика, этот компонент неплохо «работает» в решении проблем стратегического разоружения. На этом уровне мировой политики, где решаются судьбы человеческой цивилизации, как говорится, не до идеологии. Это слишком опасный участок, чтобы бесконтрольно давать ход идеологическому противоборству. Но как только политика спускается на региональные орбиты, она тут же вторгается в геополитические и самое главное — в социально-политические интересы. В результате идеология начинает диктовать условия безопасности, тем более что сама доктрина безопасности в свое время формулировалась американскими теоретиками и политиками как средство обеспечения интересов «свободного мира», то есть изначально являлась идеологической концепцией. На этот фактор после войны

упирали Г. Трумэн, затем Л. Джонсон и наиболее выпукло — Р. Рейган. В аналогичном ключе рассматривает проблему безопасности Дж. Буш. Так, выступая в Национальном собрании Южной Кореи (февраль 1989 г.), он назвал в качестве «самой важной задачи на сегодня» сохранение свободы и демократии. Во многих речах на внешнеполитические темы Буш повторял любимый рейгановский постулат: «Мир с позиции силы — это политика, которая сослужила прекрасную службу интересам безопасности наших двух стран».

Итак, наши призывы к деидеологизации межгосударственных отношений не означают принятия их на вооружение политиками в США. Более того, деятельность Соединенных Штатов на международной арене в 80-е годы насыщена большей идеологией, чем в период, например, 70-х годов. В подтверждение можно привести реакцию США на июньские события 1989 г. в КНР, когда китайское руководство применило силу против студенческих выступлений в целях «укрепления социализма». Да и благожелательное отношение к СССР, на мой взгляд, в немалой степени мотивировано тем, что наша страна, по мнению Вашингтона, встала на путь рыночной экономики и демократии, приближаясь к западным моделям. Но поскольку окончательной убежденности в этом нет и Советский Союз предстает перед Западом в качестве социалистического государства, наши шаги в области региональной безопасности продолжают встречать противодействие. Исключением является Европа. Это и понятно, так как большинство проблем европейской безопасности являются одновременно проблемами безопасности глобальной.

Думается, что именно по этим причинам и не принимаются наши инициативы в АТР, хотя вашингтонские лидеры объясняют свою позицию другими мотивами. Следовательно, наращивание вооруженных сил США в Восточной Азии является собой средство обеспечения «идеологической безопасности» региона против распространения на него влияния СССР.

Естественно, такой подход создает реальную проблему в советско-американских отношениях в вопросах военной стабильности и военной безопасности в Восточной Азии. Ни Договор по РСМД, ни вывод советских войск из МНР, ни наши предложения о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи, пока не оказали продуктивного влияния на обстановку в регионе. Как же реагировать на такую ситуацию? Думается, что военным путем реагировать никак не следует.

Попробуем пояснить эту мысль. Предположим, что Министерство обороны СССР, раздраженное негативной реакцией США на наши предложения о снижении военной активности в регионе, а также принимая во внимание наше отстава-

⁸ См. «Défense nationale», août — septembre 1987, pp. 26—27, 31; «Asian Security, 1988—89», Tokyo, 1988, pp. 46—50.

⁹ См. «Правда», 28.V.1989.

¹⁰ «Newsweek», 22.II.1988, p. 16.

ние по масштабам этой активности, выступит с инициативой наращивания потенциала ВМС (естественно, под маркой модернизации) для достижения «более полноценного равенства». Думаю, это было бы ошибкой. К чему нам это региональное «полновесие», когда военное превосходство США и Японии в Восточной Азии нейтрализуется общим стратегическим равновесием сторон, обеспечивающим взаимное гарантированное сдерживание? Кроме того, хотя наш Тихоокеанский флот и уступает ВМС США практически по всем показателям, однако его задача сводится к защите стратегических подводных лодок, а также противодействию американским подводным лодкам и ударным авианосным соединениям. Оборонный потенциал Тихоокеанского флота вполне отвечает требованиям сдерживания, то есть обеспечивает безопасность морских пространств и территорий Советского Дальнего Востока. Его дальнейшее наращивание означало бы попытку выравнения баланса для соперничества на просторах Тихого океана, что, во-первых, было бы накладно для нашей экономики, а во-вторых, просто бессмысленно с точки зрения безопасности СССР и его союзников. Аналогичная картина вырисовывается и с сухопутными войсками. Более того, политика оборонной достаточности дает резерв для дальнейшего сокращения нашего военного потенциала даже в одностороннем порядке без ущерба безопасности СССР. В определенной степени этот процесс уже затронул группировку наших Вооруженных Сил на Дальнем Востоке¹¹.

Если мы все же пойдем по пути ответного наращивания своего военного потенциала в Восточной Азии, то это подстегнет Соединенные Штаты к продолжению гонки вооружений в регионе, что в целом усугубит проблему международной безопасности на этом участке мировой политики. Действительно же конструктивным ответом на идеологизированную политику США, подкрепляемую военной силой, может служить только экономическое проникновение СССР в зону Тихого океана, превращение его в значимый элемент международного экономического региона Восточной Азии.

СССР И ЯПОНИЯ: ТОРМОЗЯЩИЕ ФАКТОРЫ

Если за ходом советско-японских отношений следить по газетам «Правда» или «Красная звезда», то может сложиться впечатление, что мы находимся чуть ли не в состоянии конфронтации с Японией. Несколько успокаивают «Известия». И тем не менее общий лейтмотив публикаций таков: отношения между СССР и Японией переживают не лучшие времена или по крайней мере «их сегодняшний уровень по-прежнему не отве-

чает потенциальным возможностям, которыми располагают Советский Союз и Япония, и положению наших стран в мире»¹². Так ли это?

Мне кажется, что наши отношения как раз соответствуют, во всяком случае нынешним, возможностям СССР. Кроме того, все познается в сравнении. Сравним отношения Советского Союза с Японией и с пятеркой ведущих держав капиталистического мира: США, ФРГ, Англией, Францией и Италией.

Дипломатическая сфера функционирует достаточно активно и освобождена от «посольских войн», которые вспыхивают в отношениях с США, Францией и Англией. В военном плане Япония не рассматривается нами в качестве стратегического противника в отличие от США, Англии и Франции, обладающих ядерным оружием. Объем торговли между СССР и Японией в 1988 г. составил 5,9 млрд. долл. В сфере наших экономических отношений с капиталистическими странами он уступает только нашей торговле с ФРГ, находясь на уровне товарооборота с Францией и Италией, и превосходит уровень торговли СССР с США или Англией.

Таким образом, выводы чуть ли не о критическом состоянии советско-японских отношений выглядят по меньшей мере преувеличенными, особенно если учесть комплекс наших проблем с другими ведущими державами капиталистического мира. Обращает на себя внимание и то, что нынешний относительно приличный уровень отношений между СССР и Японией достигнут в условиях заниженного внимания к Японии с нашей стороны. Достаточно напомнить, что ни один высший руководитель СССР ни разу после 1956 г. (год восстановления дипломатических отношений) не посетил Японию, хотя в США и в европейских странах они бывали неоднократно. Можно привести немало доводов для такого невнимания, однако вряд ли все они будут достаточно обоснованы, если иметь в виду, что визиты на высшем уровне лягут собой не только фиксацию решения каких-либо проблем, но и служат демонстрацией уважения к народу той или иной страны. Отрадно, конечно, что наконец на уровне министров иностранных дел достигнута договоренность о визите М. С. Горбачева в Японию в 1991 г. В этой связи, безусловно, нельзя не оценить поездку в Японию (ноябрь 1989 г.) делегации Верховного Совета СССР во главе с народным депутатом СССР А. Н. Яковлевым. И хотя, по его заявлению, этот визит не снял все вопросы в советско-японских отношениях, он все же способствовал углублению взаимопонимания сторон.

И все же нынешнее состояние советско-японских отношений не может считаться удовлетворительным. Причем для нас в большей степени, чем для япон-

¹¹ См. «Правда», 28.V.1989.

¹² «Правда», 4.V.1989.

цев, успешно экономически освоивших АТР. Именно мы поэтому должны проявить инициативу в деле привлечения Японии к взаимовыгодному сотрудничеству и не допускать ожиданий, чтобы чуть ли не японцы определяли за нас формы и методы этого сотрудничества, готовили проекты совместного предпринимательства. В этой связи хотелось бы обратить внимание еще на ряд моментов в нашей политике, которые, как представляется, продолжают оставаться тормозящими факторами на пути взаимопонимания с Японией.

Если исходить из совместных коммуникаций последних нескольких лет, интересы СССР и Японии совпадают по трем важнейшим пунктам: обе страны заинтересованы в мире и безопасности в АТР, в подписании мирного договора, в развитии торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Однако в полном объеме ни одна из сторон не удовлетворена состоянием дел ни по одному из этих пунктов.

Япония устами своих официальных политиков утверждает, что на ситуацию в АТР деструктивное воздействие оказывает постоянное наращивание в качественном и количественном отношении Вооруженных Сил Советского Союза на Дальнем Востоке¹³. Далее, по мнению Токио, мирный договор не может быть заключен без возвращения Японии «северных территорий». Экономическое же сотрудничество тормозится, во-первых, неадекватными интересами сторон, а во-вторых, неповоротливостью наших хозяйственных организаций, их неспособностью наладить продуктивное взаимодействие с Японией.

Мы в ответ уверяем, что процесс милитаризации в АТР стимулируется наращиванием американской военной мощи при активной поддержке Японии, которая к тому же сама ускоряет развитие собственных вооруженных сил. Территориальные притязания Японии к СССР рассматриваются как несостоятельные, в силу чего считается, что они не могут служить предварительным условием для подписания мирного договора. Что же касается торгово-экономического сотрудничества, то хотя и признается определенная неуклюжесть наших хозяйственных структур, однако тут же указываются политические мотивы неконструктивного подхода Японии, тормозящего его развитие (давление США, ограничения КОКОМ, привязка к «территориям» и т. д.).

Итак, интересы — едины, подходы к их реализации — разные. Попробуем понять логику Японии.

Начнем с проблем азиатской безопасности. Фактически все наши инициативы в АТР направлены на слом нынешнего механизма безопасности, функционирую-

щего на основе доминирующего военного присутствия США и системы их военных договоров с Японией, Филиппинами, Южной Кореей и Таиландом. Может ли Япония примириться с такой позицией, учитывая тот факт, что именно эта система безопасности, по убеждению политических кругов страны, во-первых, предотвращает «угрозу извне», во-вторых, создает благоприятные условия для экономической активности в регионе, в-третьих, обеспечивает сохранение и процветание стран «свободного мира», в том числе и самой Японии? Где гарантии того, что в случае реализации советской концепции безопасности сохранятся нынешние условия для развития и воспроизводства существующих экономических структур и взаимосвязей? Что та или иная страна социализма, из коих некоторые в прошлом демонстрировали склонность обращаться к военной силе во внешней политике, вновь не прибегнет к ней в решении международных проблем? Опасения такого рода нам неоднократно приходилось выслушивать от многих японских политологов и международных, и их нельзя просто отбросить без учета логики оппонентов.

Представляется также, что и наши традиционные атаки на японский милитаризм, преувеличенные оценки его значимости не отвечают интересам безопасности в Восточной Азии. Допустим хотя бы на минуту, что японцы, вняв нашим советам по поводу милитаризации, свернут этот процесс до нуля, полностью возложив обеспечение безопасности своего государства на США (такие настроения в определенных кругах страны, кстати, существуют). Можно представить, какая буря поднимется в Соединенных Штатах в случае такого решения Токио, ведь даже нынешние темпы военного строительства Японии не устраивают многих американских конгрессменов. Так вот, вполне вероятно, что подобный исход означал бы фактический разрыв всей нынешней системы военно-политических отношений между союзниками. Готовы ли они к этому? Конечно же, нет. В этих условиях наши обвинения в адрес японского милитаризма просто несвоевременны, а по сути и неверны. Не предъявляем же мы аналогичных требований к Франции и Англии. Более того, мы даже согласились не учитывать ядерный потенциал этих стран на женевских переговорах по стратегическому разоружению. Почему же, когда дело заходит о критике милитаризма, столь выборочен наш адресат обвинений?

Есть и другая сторона проблемы. Несмотря на некоторые подвижки в плане разоружения, этот процесс пока не носит необратимого характера. США, как известно, фактически вышли из Договора ОСВ-2, после чего потенциал их стратегических наступательных сил заметно возрос. Таким образом, взаимного доверия по проблемам международной безопасности пока еще нет. Его завоевание —

¹³ См., например: С. Уно. Взгляд из Токио («Международная жизнь», № 5, 1989, стр. 31).

процесс длительный, и одним махом его не решить.

В этой связи еще более абсурдными звучат иногда призывы к Японии отказаться от военного союза с США. Это был бы наилучший подарок японским милитаристам и правым, которые тут же воспользовались бы ситуацией для превращения своей страны в военную сверхдержаву. По мнению проф. Т. Саканана из университета Аояма, вывод американских войск из Японии и Южной Кореи вынудит Японию встать на путь голлистской политики, одним из элементов которой было бы создание «достаточно крупных ядерных сил», подкрепленных мощными армией и ВМС¹⁴.

Следующий пункт — «северные территории». На данный момент позиции сторон диаметрально противоположны: японцы требуют их отдать, мы считаем, что они законно наши. Тем не менее определенная «подвижка» в позиции СССР наметилась: раньше мы вообще не признавали наличия данной проблемы, теперь признаем ее существование. Не вдаваясь в существо вопроса, обратим внимание на следующее.

Японская сторона, выдвигая к нам территориальные требования, постоянно апеллирует к мнению народа. Действительно, регулярные опросы общественного мнения дают высокий показатель поддержки правительства по «территориальной проблеме». Следует напомнить, что оппозиционные партии (например, КПЯ и СПЯ) в этом отношении идут даже дальше правительства. Они претендуют на все Курильские острова, возвращение которых, правда, связывается с аннулированием договора безопасности с США.

Советская сторона также часто ссылается на мнение народа. Но это представляется не совсем корректным, так как никто с народом на этот счет не советовался и никаких специальных опросов общественного мнения по «северным территориям» у нас не проводилось. Более того, в массе своей наш народ, по видимому, толком не представляет, в чем суть проблемы и на каком основании японцы требуют эти территории.

Официальная позиция СССР по этому вопросу сформулирована в МИДе и аппарате ЦК КПСС. Что же касается советских ученых-японистов, хорошо знающих проблему, то их отношение к ней не столь однозначно. Среди них есть сторонники жесткого подхода, заключающегося в том, чтобы вообще не признавать существования проблемы. Есть и те, кто предлагает вернуться к совместной советско-японской декларации 1956 г., в соответствии с которой предполагалось после подписания мирного договора передать Японии острова Хабомай и Шикотан. Существуют и отверженцы точки зрения перевода этой проблемы из политической плоскости в

экономическую, отодвинув политическое решение на будущее. Имеется в виду создание на островах совместных предприятий и иных форм двусторонней предпринимательской деятельности, вплоть до учреждения там специальной экономической зоны.

Нелишне при этом напомнить, как у нас решался пограничный вопрос с Эстонией после отделения ее от России и подписания с ней мирного договора, имевшего, по словам В. И. Ленина, «всемирно-историческое значение». Этот мирный договор был заключен с рядом территориальных уступок, «которые не вполне соответствовали строгому соблюдению принципа самоопределения наций, когда мы делом доказали, что вопрос о границах для нас вопрос второстепенный, а вопрос мирных отношений... не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать»¹⁵.

Пока что не видно однозначных рецептов, как в нынешней ситуации решить проблему «северных территорий» с Японией. Но несомненно, что она касается не только советского МИДа или ЦК КПСС, это вопрос всенародного значения. Именно народ в подлинном смысле этого слова через референдум или другие формы волеизъявления должен определить позицию государственных органов относительно этих территорий. Пора отказываться от кулуарной дипломатии. Предварительно же необходимо на страницах массовой печати дать подробную информацию об истории и сути проблемы. Только на таких условиях мы можем на равных обсуждать эту тему с Японией.

Наконец, третий аспект наших отношений — экономическое сотрудничество. Однако проблемы, которые существуют в этой сфере, касаются не только Японии. Поэтому есть смысл взглянуть на них пошире.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР С РЕГИОНОМ

Банальным является утверждение о взаимозависимости мира. И все же эта «истина» не кажется бесспорной, если говорить об экономической взаимозависимости между странами социализма и капитализма. Напомним, что наша доля в международной торговле составляет не более 4%.

Еще более безотрадная картина наших экономических позиций вырисовывается в Восточной Азии. Доля СССР в общем экспорте стран региона настолько мизерна, что зачастую не фиксируется в статистических справочниках. О других формах экономического сотрудничества и говорить не приходится: они еще в основном в стадии пожеланий и первоначальных

¹⁴ «Newsweek», 27.II.1989, p. 29.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 92.

чальных разработок. Это означает, что мы не только не являемся элементом интеграционного поля международного экономического региона Восточной Азии, но по сути не участвуем в процессе интернационализации, для которой характерен интенсивный торговый обмен. О какой же взаимозависимости здесь может идти речь?

Еще одна проблема — дефицит в торговле со странами Восточной Азии и громадная доля в нашем экспорте товаров сырьевого профиля. Достаточно сказать, что удельный вес машин и оборудования в советском экспорте в Японию не превышает 1%. Кстати, эта ситуация привела депутата Верховного Совета СССР с Дальнего Востока Е. Гаер к выводу о том, что Советское Приморье превратилось в сырьевой придаток Японии¹⁶.

Приведенные цифры почему-то интерпретируются таким образом, что нынешний уровень торговых отношений со странами региона не соответствует нашим возможностям. Так ли это? Скорее наоборот, он объективно отражает нынешний экономический и научно-технический потенциал Советского Дальнего Востока. Сегодня экономика дальневосточных районов СССР носит энергосырьевой характер. Ее структура вошла в противоречие с интересами наших торгово-экономических партнеров в регионе. Например, перестройка японской экономики, начавшаяся со второй половины 70-х годов, была ориентирована на создание наукоемких отраслей промышленности, позволивших серьезно снизить энерго-, металл- и трудозатраты на единицу продукции. В результате заинтересованность в советских поставках у японской стороны заметно уменьшилась, фактор хозяйственной взаимодополняемости был утерян. К сожалению, и новые программы комплексного развития производительных сил Советского Дальнего Востока, Бурятской АССР и Читинской области по-прежнему ориентируют их на энергосырьевой тип развития с упором на капитал- и трудоемкие производства.

Как же построить эффективную экономику будущего? В обобщенном виде реализуемая сейчас концепция сводится к следующему: региональный хозрасчет, создание специальных экономических зон, для начала в Находке, и теснейшая экономическая привязка дальневосточного экономического региона к странам АТР. Хотя данный вариант развития является шагом вперед, он тем не менее кардинально не изменит нынешнюю экономическую ситуацию, если оценивать ее стандартами США, Японии и Западной Европы.

Прежде всего региональный хозрасчет в том виде, в каком он сейчас обсуждается, означает перераспределение функций управления и контроля в пользу местных органов экономической и поли-

тической власти. Регион при этом приобретает определенные выгоды. Но и в таком случае сохраняется прежняя система производственных отношений, продемонстрировавшая свою беспомощность. Кроме того, экономика региона тысячами нитей остается связанной с экономикой всей страны, то есть продуктообмен (товарообмен) и обмен ресурсами осуществляются на громадной географической площади со слабо развитой инфраструктурой. Добавим, что многочисленные предприятия военно-промышленного комплекса и производящие стратегическое сырье в любом случае останутся в прямом подчинении у центра. При таких условиях региональный хозрасчет вряд ли решит поставленные задачи. С политэкономической точки зрения при нынешнем государственно-монополистическом характере производственных отношений хозрасчет вообще ничего не изменит, по крайней мере до тех пор, пока не будет решена проблема собственности на многоукладной основе, включая частную собственность.

Формирование альтернативной стратегии развития восточных районов Советского Союза могло бы состоять из трех компонентов. Во-первых, полная хозяйственная автономия Советского Дальнего Востока от центральных регионов СССР, гарантированная специальными законами. В результате этого над экономическими связями с западом Союза приоритет начнет приобретать вхождение в интеграционную сеть со странами Восточной Азии.

Второй момент. Поскольку при ныне существующем хозяйственном механизме, даже при условии реализации идеи усеченного хозрасчета, интеграция в международный экономический регион Восточной Азии невозможна из-за несовместимых экономических систем, то в качестве предпосылки необходимо законодательно утвердить многоукладную экономику с упором на рыночные отношения.

В-третьих, идея экономической автономии не противоречит политическому суверенитету, остающемуся за общесоюзным правительством.

Какие трудности существуют на пути реализации альтернативной стратегии? Первая и самая главная — убедить центральные органы власти в правомерности постановки указанных задач и целей. Без этого бессмысленно говорить о каких-либо прорывах в развитии дальневосточного региона. Более чем 70-летняя практика хозяйствования, а зачастую бесхозяйствования, показала, что невозможно из центра контролировать и управлять всем народным хозяйством нашей огромной страны. Наставать в этих условиях на централизованном управлении — значит обречь советскую экономику на дальнейший развал.

Далее, необходимо на общетеоретическом уровне разработать целостную концепцию регионального экономического

¹⁶ См. «Московские новости», 25.VI.1989, стр. 16.

развития, включая концепцию специальных экономических зон. В этой связи высказывается идея о том, что экономика стран Восточной Азии носит «многоэтажный» характер в силу неодинакового уровня развития партнеров и наш Дальний Восток сегодня может быть встроены в региональную интеграцию только на «нижних этажах». Эта идея обрекает Советский Дальний Восток на участие в вертикальной схеме разделения труда, иначе говоря, на закрепление его роли в качестве сырьевой базы региона. В принципе по этой схеме в основном и развивается сейчас Приморье. Однако данный вариант, как уже говорилось, ведет в тупик. К тому же если мы все время говорим о том, что главное — это человек, его потребности, то почему мы должны производить бревна, а не мебель, сталь, а не автомобили или компьютеры. Ясно, что одного без другого не бывает. Но непонятно, почему одно есть, а другого нет? Естественно, речь идет о пропорциях.

В стратегическом плане в районе Дальнего Востока необходимо заложить приоритет выпуска готовой конечной продукции над сырьем и полуфабрикатами. В этом смысле у нас нет времени для постепенного продвижения с «нижних этажей» на «верхние». Начинать надо не с крупномасштабных проектов, а прежде всего с тех отраслей, развитие которых способствовало бы расширению и укреплению транспортной инфраструктуры, модернизации портов и гаваней, развитию сферы услуг, туризма, гостиничного хозяйства и т. д. Все это создавало бы необходимые условия для последующего расширения наукоемкого производства, улучшало бы жизненный уровень населения. Такой подход означает определение стратегических целей не через призму интересов министерств, а опираясь на нужды и запросы людей.

Большая проблема заключается и в том, что мы не только не осознаем собственных интересов, но часто не знаем интересов своих партнеров. Тогда каким образом можно состыковать невыявленные интересы? На какой основе будет развиваться та самая взаимовыгодность, о которой мы так много, но зачастую абстрактно говорим? Так, журналист С. Агафонов, рассказав о бесчисленных визитах наших представителей в Японию, ужаснулся их незнанием реалий этой страны, ее рынка, особенностей конъюнктуры¹⁷. Речь идет о Японии, довольно подробно описанной в нашей экономической литературе. Можно представить уровень знаний советских «бизнесменов» о рынках и специфике таких стран, как, например, Малайзия, Филиппины, Таиланд. А ведь это страны, с которыми мы хотим развивать активный обмен. Без анализа интересов всех стран

региона, экономической деятельности японских и американских компаний в Восточной Азии невозможно сформулировать и общую концепцию развития нашего собственного дальневосточного региона.

После визита М. С. Горбачева в КНФ заговорили о перспективности экономического сотрудничества с этой страной. В каких направлениях? Указываются, в частности, энергетика и металлургия. Но это опять ресурсоемкое производство, помимо всего прочего приносящее вред окружающей среде. Продуман ли этот вариант, перспективы двустороннего взаимодействия, или здесь просто имеет место эйфория от улучшения отношений, подталкивающая к сотрудничеству ради сотрудничества? А как скажется сотрудничество в области энергетике на технологическом развитии двух стран? Наконец, приведет ли оно к повышению уровня жизни советских граждан и к тайцев? Понятно, что эта тема требует специального анализа, который, судя по всему, не сделан и в высоких экономических инстанциях.

* * *

На пути нашей политики в Восточной Азии существует немало трудностей, решение которых возможно только с помощью революционных преобразований, и прежде всего в нашем мышлении. Как минимум, они предполагают отказ от «позиции сверхдержавности», что будет соответствовать реальному нашему месту, по крайней мере в Восточной Азии. Как максимум, это означает сворачивание военной активности в регионе до пределов, необходимых только для защиты безопасности наших сухопутных границ и территориальных вод на Дальнем Востоке. Нам необходимо «раскупорить» границы вообще в соответствии с решениями Итогового документа венской встречи 1986 г. Только свободное передвижение капитала, людей и идей может создавать реальные интеграционные узлы во взаимном общении. Необходимо трезво оценить наши реальные возможности, интересы в Восточной Азии. Инициативный вал — это тоже затратный вариант политики. Стоимость в политике, так же как и в экономике, только тогда обладает полезностью или ценностью, когда она находит потребителя.

И последнее. Наши исследования по проблемам Азии и Тихого океана, за редким исключением, продолжают сохранять пропагандистский налет. Снять его — первейшая задача ученых. Иначе мы так и не поймем, почему же конструктивная внешняя политика Советского Союза в АТР не встречает понимания у США и Японии? Кстати, не находит она его и у ряда других стран Восточной Азии. Пора набираться смелости и отвечать на эти вопросы.

¹⁷ «Известия», 17.II.1989.

«Мировая экономика и
международные отношения»